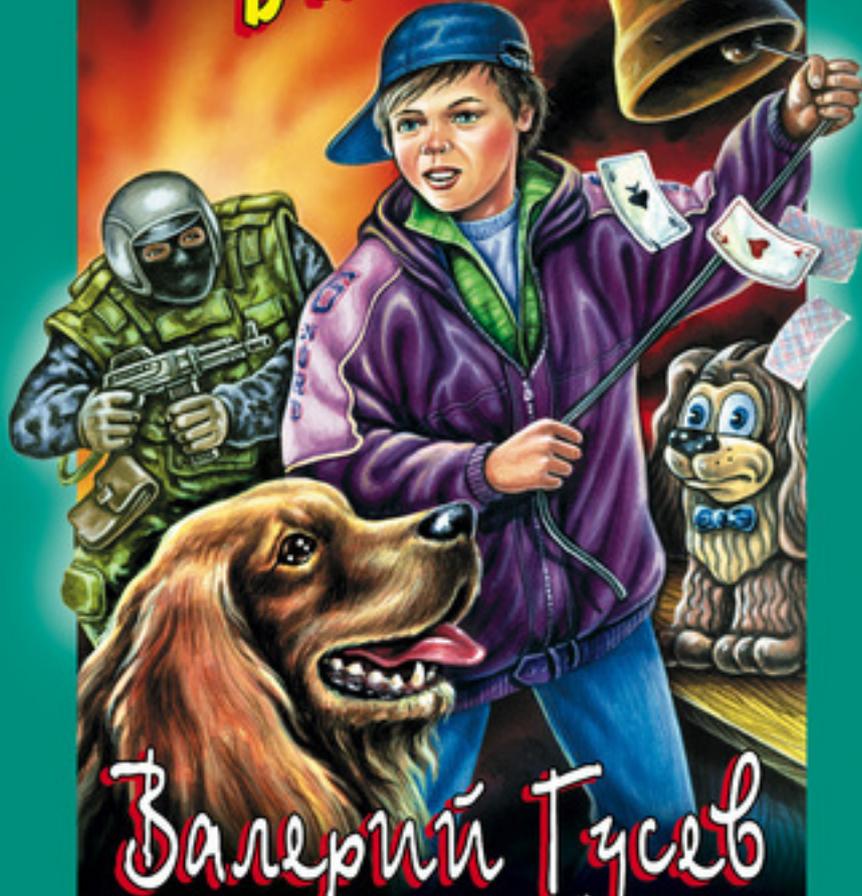

МУШкетер В КОПИЛКЕ

Валерий Тусев

ЭКСМО

Дети Шерлока Холмса

Валерий Гусев

Миллион в копилке

«ЭКСМО»

2001

Гусев В. Б.

Миллион в копилке / В. Б. Гусев — «Эксмо», 2001 — (Дети Шерлока Холмса)

Хочешь уберечь вещь от чужих глаз – положи ее на самое видное место. Так и поступил Ленин дедушка-нумизмат, спрятав свою самую редкую и ценную монету в обычную копилку с мелочью. Мог ли он даже помыслить, что Лене придется выручать невезучего приятеля и все содержимое копилки пойдет продавцу киоска в уплату за испорченный товар? И этот самый продавец, кажется, догадался, что за «медяшка» ему с неба свалилась... Как же теперь вернуть дедушкино сокровище? «Прежде всего не спускать с этого жулика глаз!» – решают Ленины друзья и придумывают хитроумный план. С помощью яркого значка и самого обыкновенного плеера...

Содержание

Глава I	5
Глава II	8
Глава III	12
Глава IV	15
Глава V	19
Глава VI	22
Глава VII	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Валерий Гусев

Миллион в копилке

Глава I

Пропала «Гречанка»!

Погуляв с Нордом, Лена разогрела ужин и позвала дедушку.

Антон Кузьмич выключил телевизор и, прихрамывая, поспешил на кухню.

– Вот, Лен, – пожаловался он, берясь за вилку, – опять...

– Что опять, дед? – спросила Лена, отгоняя Норда, который положил ушастую голову на стол и с упреком смотрел то деду в тарелку, то деду в глаза.

– Опять коллекционера ограбили.

– А он что собирал, марки?

– Почему обязательно марки? – удивился дед. – Автомобили.

– И много набрал? – деловито поинтересовалась Лена.

– Целых два. И оба угнали.

Лена хмыкнула.

Но вообще-то она с большим сочувствием относилась к дедовым тревогам и переживаниям. Дедушка за свою долгую жизнь собрал прекрасную коллекцию старинных монет. Каких только редкостей в ней не было. И круглые монеты, и квадратные. В виде колечек и с дырочками. Медные, глиняные и перламутровые. Имелась даже одна из окаменевшего за века кусочка дерева, на котором были вырезаны какие-то таинственные знаки.

Дедушкина коллекция была известна во всем мире, к нему приезжали нумизматы из многих стран. А на склоне лет он привел свое собрание в порядок и собрался передать его в дар Историческому музею. Но случилась беда – коллекцию украли.

Лучшие сыщики пытались ее отыскать; к розыскам даже привлекли работников Интерпола, но все напрасно – монеты исчезли без следа...

Дедушка с трудом пережил это ужасное событие. Он враз постарел, стал прихрамывать и не отрывался от телевизора, когда передавали криминальные новости, все надеялся на какое-то чудо. Потом пересказывал увиденное на экране Лене и шел в свою комнату – перепрятывать свое последнее сокровище.

Дело в том, что грабители, не отличавшиеся, видимо, большими познаниями в нумизматике, похитив коллекцию, не обратили внимания на самый ценный, точнее, бесценный ее экземпляр. Это была древнейшая и редчайшая греческая монета. Единственная в мире. «Гречанка», как ласково называл ее дедушка.

Стоимость этой монеты, по словам дедушки, превышала миллион долларов. Но для него, конечно, цена не имела значения. Он дорожил «Гречанкой» как уникальным предметом древнего мира, чудом сохранившимся до наших дней. И кроме того – это было единственное, что осталось от увлечения всей его жизни.

Поэтому дедушка, потрясенный кражей, без конца перепрятывал «Гречанку» с места на место. А так как память его с годами ослабла, он время от времени забывал, куда упрятал монету. И тогда начинались лихорадочные ее розыски. В квартире все переворачивалось вверх дном и с боку на бок. Дедушка заглядывал даже в газовую плиту и в заварочный чайник, лазил на антресоли, вытаскивал стельки из обуви...

Монета наконец находилась, причем в самых неожиданных местах. То в старой пустой чернильнице на его столе, то в банке с крупой на кухне, то в холодильнике. А однажды Лена случайно обнаружила «Гречанку» в своем портфеле, под обложкой учебника.

Поужинав, дедушка закрылся в своей комнате, с чем-то там повозился, чем-то позвенел и, чем-то очень довольный, отправился, прихватив свою палку, прогуляться перед сном.

Едва он ушел, истерически запрыгал над входной дверью звонок. Лена и Норд примчались в прихожую.

Это был Санек, одноклассник Лены, с которым все время что-нибудь случалось.

– Ленк! – завопил он на пороге. – Выручай! Деньги есть?

Норд с интересом посмотрел на него, сел и вежливо подал большую лапу.

– А! – сообразил Санек. – Привет, Лен, привет, Норд. У меня опять беда, деньги нужны. Сколько есть. Я у всех собираю.

И он, тараща глаза, рассказал про свою очередную беду.

Покупая в киоске жвачку, он, как всегда, размахивал руками и смахнул с прилавка какую-то бутылку вина. Продавец разорался, схватил его за шиворот и приказал срочно оплатить испорченный товар.

– Я уже много денег собрал, – сообщил Санек, – но еще больше надо.

– Пошли, – коротко сказала Лена.

В комнате дедушки она сняла с полки старинную фарфоровую собачку со щелочкой в курчавой голове. Это была копилка, и время от времени дедушка сбрасывал туда мелочь. Приговаривая с усмешкой: «Прибавка к пенсии набирается».

Лена вывинтила доньшко копилки и махом высыпала все ее содержимое в подставленный одноклассником карман. И Санек тут же умчался.

Вскоре вернулся с прогулки дедушка, опять чем-то погремел в своей комнате, потоптался на кухне и сел пить чай. Он был в хорошем настроении, улыбался и хитро подмигивал Норду. А потом, отодвинув пустой стакан, сказал:

– Пойду спать. – И похвалился: – Сегодня наконец я буду спать спокойно. Я такое место для «Гречанки» придумал – никто не догадается. Самые хитрые жулики не сообразят.

– Дед, ты мне-то скажи, – посоветовала Лена, убирая со стола. – А то опять забудешь.

– Не забуду, – он поднял палец, – потому что теперь она у меня на глазах. А ведь еще классики детективной литературы советовали: хочешь спрятать надежно, клади на самое видное место.

– Ну и где это видное место? – Лена стала вытирать стол.

– Никогда не догадаешься! – торжествовал дед. – Я ее в копилку сунул!

У Лены подкосились ноги, и она села мимо табуретки.

– Не ушиблась? – испугался дед. – Ишь, как промахнулась. – И помог ей подняться. – Ну вот скажи, кому придет в голову искать что-нибудь ценное в детской копилке с мелочью, а? Здорово придумал?

– Здорово, – прошептала Лена непослушными губами и бросилась к телефону.

– Санек! – зашептала она в трубку, прикрывая ее ладошкой. – Ты деньги уже отдал?

– Ага! – радостно сообщил он.

– И мою мелочь тоже? – голос Лены дрогнул.

– Ага! Спасибо! Как раз хватило. Ну, пока.

– Стой, Санек! Выходи во двор! Быстро!

– Ой, Ленк, я не могу сейчас. У меня неприятность случилась. Выйти не в чем. Понимаешь, шнурок на кроссовке мертвым узлом затянулся. Я ее снял, а надеть никак не могу. Одну надел, понимаешь, а другую...

– Все, – коротко сказала Лена. – Живо во двор. Хоть босиком! – и положила трубку.

Санек прилепал к скамейке в старых больших галошах. «И где он их выкопал?» – машинально отметила Лена и тут же забыла об этом.

– Пошли, – она решительно встала.

– Куда? – удивился Санек. – Поздно уже.

Но послушно зашаркал спадающими галошами за Леной.

По дороге она рассказала ему о том, что они натворили.

– Это я виноват! – воскликнул Санек. – Мне и отвечать.

Лена остановилась и молча посмотрела на него.

– Ну, да... – пробормотал Санек. – Миллион долларов... У меня их нет.

– И не будет никогда, – жестко сказала Лена. – Монету надо вернуть. Пошли!

Киоск был еще открыт. Он тускло светился витриной, заставленной бутылками и пачками сигарет.

– Дядь, – Санек просунул голову в окошко. – Это я.

– Вижу, – хмуро ответил продавец и на всякий случай убрал с прилавочка бутылки с пивом. – Чего пришел? Мы в расчете.

– Дядь, – затараторил Санек, – я вам вместе со своими деньгами случайно чужую монетку отдал. Одного дедушки. Она так себе монетка, старая. А дедушка очень ею дорожит. В память о своей молодости. И о своей бабушке.

– Слушай, – продавец высунул голову наружу, а Санек свою убрал, – иди ты, мальчик, к своему дедушке. И к бабушке заодно.

– Это не мой дедушка. Это ее дедушка, – и Санек показал на Лену. – Верните монету.

– А то я в милицию пойду, – сухо пообещала Лена. – И в налоговую инспекцию.

Это подействовало.

Продавец выдвинул кассовый ящик и стал копаться в мелочи.

– Нету тут никакой старой монетки, – наконец сказал он. – Ни дедушкиной, ни бабушкиной. Наверное, сдал кому-нибудь по ошибке. Пока! – и он плотно захлопнул окошко фанерной дверцей.

Понурился, Лена побрела домой. Санек плелся сзади, странно прихрамывая.

У подъезда Лена остановилась в задумчивости. И только тут заметила, что на ногах Санька всего одна галоша. Похоже, и он это заметил только сейчас.

– Вот... – виновато вздохнул он. – Еще и галошу потерял. Дедушкину, любимую. Он в ней на помойку ведро выносит.

Санек умел даже самые простые мысли и чувства высказывать так, что даже сам в них запутывался.

– Да, – вздохнула задумчиво и Лена, – жалко галошу. И дедушку твоего тоже. Как же он, бедный, в одной галоше на помойку ходил? На одной ноге прыгал?

– Почему? – удивился Санек. – Раньше-то он в двух ходил. Это теперь будет в одной прыгать.

– Все равно жалко, – проговорила Лена, думая о своем.

Санек поджал ногу в носке и вдруг сказал:

– Я знаю, кто нам поможет! Он в нашем доме живет. Пошли!

А продавец снова выдвинул кассовый ящик. Он прекрасно понял, что из-за «так себе монетки» ничей дедушка расстраиваться не будет.

Вот она. Позеленевшая, вся изъеденная временем медяшка. В ее «морщинках» едва угадывался чей-то профиль в старинном шлеме с гребешком.

Продавец держал ее на ладони, задумчиво смотрел на нее, и глаза его жадно блестели...

Глава II

Мы ее найдем!

Наши родители ушли в гости. К своим родителям.

Алешка уселся списывать домашнее задание с тетрадки одноклассника – настоящего отличника, а я разобрал наш магнитофон, нашел в нем неисправность и пытался снова его собрать...

Родители все не возвращались, Алешка сопел над тетрадкой, магнитофон никак не хотел собираться. И я даже обрадовался, когда в прихожей отчаянно затрезвонил звонок.

Сразу было ясно, что пришел Санек из соседнего подъезда, Лешкин ровесник. Всегда расстегнутый и взерошенный, суматошный такой пацан, с которым вечно что-то происходит. Рядом с ним на площадке стояла девочка с красивой вежливой собакой. Она склонила голову к плечу и протянула мне лапу. Собака, конечно, а не девочка.

Это были Лена с Нордом. Мы их немного знали, они из дома напротив.

– Дим, – сразу же спросил Санек, не здороваясь, – ваш отец дома?

– Нет. А зачем он тебе?

– Ну... это... Он ведь в милиции работает, да?

– В Интерполе, – важно уточнил возникший за моей спиной Алешка.

– Тем более! – почему-то обрадовался Санек. – Нам очень нужна его помощь! У нас одна ценная вещь пропала.

– Галоша, что ли? – спросил Алешка, внимательно глядя на его ноги.

– Сам ты галоша! – вспыхнул Санек. – «Гречанка»!

– Тогда вы правильно пришли, – не обиделся Алешка. – Папа по своей работе сотрудничает с иностранцами.

– Его сейчас нет, – сказал я. – Подождите, если хотите.

– Только галошу снимите, – хмыкнул Алешка.

И мы пошли в нашу комнату, а собака Норд, не раздумывая, – на кухню.

Я снова уселся за сборку магнитофона, а Лешка (лишь бы уроками не заниматься) стал строить из себя следователя.

– И что за «Гречанка» у вас пропала? Молодая или старая?

– Старая, – ответила Лена. – Две тысячи лет.

– Заблудилась по старости, – с пониманием кивнул Алешка, и вдруг до него дошло: – Сколько-сколько?

Мне тоже стало интересно, тем более что упрямый магнитофон мне уже вот так надоел.

– Давайте я все по порядку расскажу, – сказала Лена. – «Гречанка» – это очень древняя греческая монета. Очень ценная. У дедушки она осталась одна из всей его коллекции. Это его единственная радость...

– А остальные радости где? – спросил Алешка.

– Их украли в прошлом году. А эту монету воры не взяли – она такая старая на вид, что даже на монету не похожа. Вроде медной шайбочки...

– Дедушка сильно переживает? – спросил я.

– Он еще не знает об этом. А если узнает – не переживет. У него после этой кражи сердце очень слабое.

– Но ведь если мы обратимся к отцу, – сообразил я, – то твой дедушка все узнает. Отец же должен с ним поговорить, выяснить все обстоятельства...

– А как же быть? – растерялся Санек и, виновато посмотрев на Лену, рассказал нам, как исчезла монета.

– Мы сами ее отберем у этого продавца, – решительно заявил Алешка.

– А если у него ее уже нет? – возразил я. – Если он и вправду кому-нибудь на сдачу ее отдал?

– Врет он, – уверенно сказал Алешка. – Кто ее возьмет-то, такую старую медную шайбочку?

– Я тоже думаю, – сказала Лена, – что он сразу все сообразил, когда мы к нему за монетой пришли.

– А чего тогда сидеть-то? – вскочил мой младший братец. – Пошли к нему, пока он вашу «Гречанку» еще не продал. Баксов за сто!

Для Алешки сто баксов – запредельная сумма, дальше нее его мечты никогда не устремлялись.

Лена посмотрела на него, как будто была втрое старше и вдвое умнее, и печально сказала:

– Дедушка говорил, что «Гречанка» стоит миллион баксов.

Алешка в изумлении плюхнулся на стул, будто его ноги не удержали:

– Ни фиги себе!

– Да он ее нипочем не отдаст! – добавил и Санек. – Загонит кому-нибудь.

Лена совсем сникла.

– Но ведь продавец об этом и не догадывается, – постарался я ее успокоить. – О такой ценности монеты.

– А какая мне разница, – вздохнула Лена, – за сколько он ее кому-нибудь продаст? За тыщу баксов или за три рубля...

Действительно...

– Вот! – опять вскочил Алешка. – Вот! Раз он ей цену не знает, значит, у кого-нибудь будет спрашивать, у знатока. Чтобы не прогадать.

– Ну и что?

Алешка фыркнул на мою несообразительность, как рассерженный кот на горячее молоко:

– Раз будет спрашивать – значит, монета у него. И он будет искать, кому ее толкнуть подороже, так?

– Так... – Мне самому стало неудобно за свою тупость. А у Алешки все просто получалось.

– Мы его выследим, а потом все папе расскажем! Как он на него нагрянет со своим Интерполом! И все! Миллион снова в кармане! У Ленкиного дедушки.

Вообще-то, мысль, как иногда говорит папа, не очень глубокая, но достаточно здравая.

И Санек ее подхватил:

– Ленк, я во всем виноват! И я тебе обещаю приложить все свои усилия, знания и опыт, чтобы вернуть драгоценную реликвию твоему дедушке!

Красиво сказал, торжественно. Наверное, где-то слышал или в книге прочитал.

Тут с кухни пришел Норд, облизываясь и помахивая хвостом.

– Он у вас что-то стащил, – испугалась Лена.

– Что у нас стащишь? – с интонацией, очень похожей на мамину, возразил Алешка. – У нас в доме всяких реликвий нет... Одни долги...

Лена улыбнулась:

– Он что-нибудь съедобное стащил. Со стола.

– И съедобного ничего не было, – заметил я. – Все в холодильнике.

– Ну хватит вам болтать, – поднялся Санек. – Пошли скорее к киоску. А то он скоро уйдет.

– Пошли, – сказал я, сгребая несобранный магнитофон в кучу. – Только к киоску мы с Алешкой подойдем, чтобы внимание не привлекать. Вас он уже хорошо приметил и будет осторожничать. А нас что ему опасаться, пацаны как пацаны.

– Это как сказать, – с угрозой произнес Алешка. – А ты, Санек, вообще не ходи. Ты в одной галоше слишком приметный. И удрать не сумеешь, если придется.

Санек так круто запротестовал, что нам пришлось отыскать для него старые Алешкины кроссовки.

– Не потеряй, – сказал ему Алешка, – шнурки покрепче завяжи.

И мы пошли «на дело».

На улице уже было совсем темно. Только фонари немного светили и окна в домах, да иногда машины своими фарами мелькали.

Не доходя до киоска, Лена с Нордом и Санек зашли за ржавую «ракушку» и затаились. А мы с Алешкой пошли дальше на разведку.

Киоск был самый обычный, стоял в ряду точно таких же, с одним, до боли знакомым набором жвачек, пива и сигарет. Но немного от других отличался: в нем находился миллион долларов. Правда, не все об этом еще знали.

Киоск уже закрывался. Витрина его еще светилась изнутри, но с прилавка продавец уже убирал выставленные на него образцы товара и привязанную за веревку открывалку для пивных бутылок.

Денег у нас почти не было, хватило только на шоколадку. Пока продавец, ворча на нас за позднюю покупку, рылся в коробках, я прочитал и постарался запомнить висевшую за стеклом бумажку вроде визитной карточки: «Продавец Козлов В.А., к.э.н.».

– «КЭН», – шепнул мне Алешка, – это кличка у него такая, да?

Не успел я ответить, как у киоска остановилась машина и из нее вышел толстый, носатый такой дядька с чемоданом средних размеров и постучал в дверь киоска:

– Виталик! Открывай, дорогой! – Голос его был добродушный, но повелительный, как у хозяина. Который собаку к ноге зовет.

– Секундочку, – вежливо отозвался Виталик, – обслужу молодого человека. – Протянул мне шоколадку и захлопнул окошко.

Потом отпер дверь и впустил носатого мужчину.

– Заходите, Гурген Ашотыч. Я уже закрываю.

– Мог бы и не спешить, подольше поработать. Как выручка?..

На этих словах дверь захлопнулась. И больше мы ничего полезного не услышали. Да и в услышанных фразах никакой ценной информации не содержалось.

Я попробовал хотя бы разглядеть что-нибудь в щелочку в окошке, но она была очень узкая и прямо за ней стояла бутылка с «Пепси», закрывая обзор. Мелькнули только руки, укладывающие в чемодан средних размеров пачки денег – выручку. Чемодан уже был набит ими доверху.

– Во всяком случае, – сказал я Алешке, – мы уже знаем его фамилию.

– Ага, – подхватил он. – И кличку подпольную. Кэн!

Я не стал его разочаровывать и не сказал, что «подпольные клички» на видном и людном месте вроде киоска не вывешивают. Но и у меня это загадочное слово «кэн» не выходило из головы.

– Теперь так, – скомандовал Алешка. – Проследим за ним до его дома, узнаем, где он живет, и установим за ним наружное наблюдение.

Это он от папы, который иногда рассказывает нам кое-что о своей работе, нахватался терминологии.

Мы отошли немного в сторону и стали ждать, делая вид, что распечатываем шоколадку.

Ждать пришлось недолго, но утомительно. Потому что все время приходилось грозить кулаком Саньку, который то и дело высовывался, подглядывая, из-за ракушки.

Но вот в киоске погас свет и его обитатели вышли наружу. Носатый Гурген уложил в машину чемодан с деньгами и стал усаживаться сам. А Кэн Козлов угодливо придерживал дверцу и жалобно просил:

– Гурген Ашотович, можно меня Раиска с утра подменит? В поликлинику надо зайти.

– Анализы сдать, дорогой? – засмеялся Гурген.

Продавец кивнул.

– Ну сдавай, – разрешил носатый. – Только из зарплаты вычту.

Продавец опять кивнул:

– А вы меня домой не подбросите? Здесь недалеко. И вам по пути.

– Нам не по пути, – важно отказал ему Гурген, застегивая на пузе ремень безопасности. – И я тебе – кто? Личный водитель? Нет, дорогой, я тебе – начальник, – и он высоко поднял толстый палец, будто показал, какой он большой начальник. – Иди отдыхай. Подыши по дороге свежим воздухом. Для анализов полезно. – И, рассмеявшись своей глупой шутке, нажал на газ.

Продавец вздохнул и, когда машина, блеснув красными фонариками, отъехала подальше, отчетливо выругался ей вслед.

А мы с Алешкой одновременно толкнули друг друга локтями. Потому что сразу догадались, что вовсе не в анализах дело.

Но тут чуть не провалил всю операцию нетерпеливый Санек. Едва продавец направился вдоль улицы, а мы незаметно за ним, Санек вылетел из-за ракушки и заорал, размахивая руками:

– Стой! Отдай монету, жулик!

Продавец сначала вздрогнул от неожиданности, а потом грозно пошел на Саньку:

– Ты опять? Иди к своему дедушке! И поскорей. Пока я тебе не оторвал уши вместе с головой!

Не успели мы броситься на помощь, как откуда ни возьмись на пути продавца возникла невысокая худенькая девочка с собакой.

– Покажи зубы, – тихо сказала она.

– Зачем? – оstonбенел продавец по кличке Кэн.

– Это я не вам, – вежливо объяснила Лена. – Это я своей собаке.

Вообще-то, собачья команда «Покажи зубы!» – самая безобидная. Ее дают своему лохматому другу у ветеринара или на собачьей выставке, на осмотре. Но когда чужому человеку большая и красивая собака оскаливает, морща губы, белоснежные клыки, то это совсем не мирное зрелище.

– Что ты, девочка? – испугался продавец и даже шагнул назад. – Убери собаку. Я по своим делам иду. И никакой вашей монеты, я же сказал, у меня нет.

Он осторожно обошел Норда и, озираясь, направился к метро. Мы с Алешкой за ним, шепнув Лене: «Идите домой. Мы утром вам позвоним».

Лена кивнула и, взяв одной рукой Норда на короткий поводок, а другой Саньку за рукав, послушно повела их домой.

Главное, конечно, чтобы ее дедушка не надумал сегодня полюбоваться своей ненаглядной «Гречанкой» или убедиться, что она на месте, в брюхе фарфоровой собачки.

Глава III

Зимовка в лифте

Дойдя до станции метро, продавец Козлов обогнул ее и двинулся вдоль длинного ряда домов, которые тускло терялись в позднем вечернем мраке.

Мы с Алешкой шли за ним по очереди. Из рассказов папы мы знали, что именно так оперативники «ведут» подозреваемого. Чтобы он не заметил слежки.

Иногда мы даже переходили на другую сторону улицы. И шли такой цепочкой: я, например, не теряя из вида Козлова, а Алешка – меня. Потом мы менялись. И за все время, хотя продавец иногда осторожно оглядывался, он не заметил одного и того же пацана, подозрительно идущего следом за ним.

Правда, я думаю, озирался он, опасаясь вовсе не пацанов, а девчонки. Вернее, ее собаки с белыми зубами.

Вскоре Козлов свернул во двор большого дома старой постройки – со всякими неказистыми архитектурными излишествами – и вошел в подъезд с высокими дубовыми дверями.

Мы немного погодя шмыгнули за ним и затаились на лестнице, возле почтовых ящиков, среди разбросанных рекламных листков и другого мусора.

Громко запахнулись дверцы лифта, и он, поскрипывая, пошел наверх.

– Считаем! – сказал я Алешке.

– Чего считаем? – не понял он. – Ступеньки?

– Время! – отмахнулся я, считая секунды и прислушиваясь к ходу лифта.

– Двадцать четыре, запомни, – сказал я Алешке, когда услышал, что лифт остановился где-то наверху.

– А зачем? – все еще не догадывался он.

– Этаж узнаем, понял? Где его квартира находится.

– Здорово! – сказал Алешка. – Молодец! – и вызвал лифт.

Мы вошли в кабину и нажали кнопку двенадцатого этажа. Дверцы закрылись, лифт пошел наверх, я начал отсчет...

– Двадцать четыре! – и Лешка нажал кнопку «стоп».

Лифт остановился. На табло над дверью светилась цифра «четыре».

– На четвертом живет, – сказал Алешка. – А дальше что?

– Поехали вниз, а потом опять поднимемся. На четвертый этаж.

Нажали кнопку первого этажа. Но лифт не среагировал. Нажали «двенадцатый» – та же реакция. Вернее – никакой!

Когда я перенажимал все кнопки без всякого результата, Алешка схватил меня за руку и сказал:

– Не старайся, Дим. Надо было сначала вот это прочитать, – и показал на бумажку, приклеенную к стенке кабины скотчем.

На ней было написано:

«Уважаемые жильцы! Убедительная просьба не пользоваться кнопкой «стоп» ввиду ее неисправности». А внизу, буквами поменьше, добавлено, что кнопка вызова диспетчера тоже не работает.

– Влипpli, – сказал Алешка. – Ночевать здесь будем, да?

Я еще потыкал всеми пальцами во все кнопки. На всякий случай. И без всякой пользы.

– Родители с ума сойдут, – вздохнул Алешка. – Зато как они завтра нам обрадуются!

Меня такая перспектива не очень устраивала. Ему-то, может, и обрадуются, а на меня, как на старшего, все шишки повалятся.

Ну не ночевать же здесь, в самом деле! Я со зла пнул ногой дверцы, попробовал их раздвинуть.

– У нас шоколад есть, – напомнил Алешка. – С голоду не умрем, – он опустился на корточки и прижался спиной к стенке кабины. – С водой вот плохо, жажда замучает.

– То, что с водой плохо, – сказал я, – это как раз хорошо.

– Ага, – согласился Алешка. – И шоколадку пока есть не будем. Сбережем. Неизвестно, сколько мы тут просидим.

Словно в ответ на его слова, лифт дрогнул и пошел вниз. Наверное, его кто-то вызвал и он сработал, несмотря на неисправную кнопку «стоп».

Едва на первом этаже запахнулись дверцы, мы выскочили из лифта как ошпаренные. И чуть не сбили с ног... Лену с собакой и Саньком.

– Вы откуда? – спросил я.

– Кроссовки мои не потерял? – спросил Алешка.

– А мы за вами пошли, – ответила Лена. – На всякий случай.

Надежная девчонка. Настоящий друг.

– Как же мы вас не заметили?

– А мы по другой стороне улицы шли. И все время менялись.

– Это кто же вас научил? – с подозрением спросил Алешка.

– Жизнь научит, – вздохнул Санек. – А вы этого жулика проследили?

– Этаж установили. А дальше не успели, лифт застрял.

– Поехали, посмотрим, – Санек нажал кнопку вызова, и дверцы лифта коварно разошлись. – Какой этаж?

Нет уж, я в эту ловушку больше не полезу.

– Подождите меня здесь, – сказал я и пошел наверх пешком.

Конечно, я не надеялся, что на двери одной из квартир будет написано крупными буквами: «Здесь живет Козлов В.А. по кличке «Кэн», который присвоил чужую старинную монету стоимостью миллион долларов». Нет, так не бывает, но хотя бы номера квартир на четвертом этаже запомнить, а уж потом разберемся. Методом исключения, как папа говорит.

Но на четвертом этаже меня ждал сюрприз. Как раз такой, на который я и не рассчитывал. Там было четыре квартиры. За красивыми филанчатыми дверями. Под номерами: 13, 14, 15 и 16. И на двери тринадцатой квартиры желтела медная дощечка, окруженная медными листочками. А на ней были четко и красиво выбиты слова: «В.А.Козлов, к.э.н.».

Подозрительная удача.

Спустившись к подъезду, я «доложил по команде» результаты разведки. И сказал:

– Завтра утром этот Козлов куда-то собирается. Наверняка – кому-то показывать вашу «Гречанку». Нужно его незаметно проводить и узнать, к кому он пойдет.

– У нас завтра уроков нет! – поспешил соврать Санек. – Я пойду его провожать.

Мы согласились, потому что у нас-то уроки были.

– Только никакой инициативы не проявляй, понял? Или мы тебя исключим из состава опергруппы. Ты и так уже сегодня чуть все не испортил.

– Я погорячился, – признался Санек. – Хотел этого гада на испуг взять. Больше не буду.

Мы пошли по домам. По дороге разделили шоколадку. На всех пятерых, включая Норда.

А дома мы застали маленький кавардак. Наши родители, которые уже вернулись от своих родителей, что-то искали по всей квартире.

Сначала мы подумали, что нас. Но когда мама стала шарить шваброй под тахтой, а папа, став на стул, заглядывал на верх стенки, то от этой мысли отказались. Тем более что мама, увидев нас, выпрямилась и строго спросила:

– Ну? Куда вы его дели?

– Кого? – немного растерялись мы. Потому что на такой вопрос многое можно ответить. Что мы только не девали!

– Мясо! – сказала мама. – Последний кусок из морозилки! Два килограмма! Я оставила его в раковине размораживаться! Вы что, его съели? Сырым?

Мы переглянулись и сделали совершенно глупые глаза.

А сами подумали: «Эх, Норд! А мы его еще шоколадом угощали!»

Глава IV

Дед Кондрат

Из школы мы с Алешкой возвращались вместе: он меня немного подождал, а я немного раньше смылся.

На лестнице, возле дверей нашей квартиры, уже сидел, дожидаясь нас, Санек. Тербил шнурки Лешкиных кроссовок и пытался дотянуться до них зубами.

– Все ты! – сказал он Алешке вместо «здравствуй». – «Потуже завязывай», «потуже завязывай»... Вот я и затужил. До сих пор развязать не могу.

– А как же ты спал? В кроссовках?

– Ну и что? – искренне удивился Санек. – Я их вечером помыл, перед сном. Прямо вместе с ногами. В стиральном порошке.

Кроссовки и впрямь сияли – они даже новыми такими чистыми не были.

Санек отчаялся справиться со шнурками, махнул на них рукой и, порывшись в карманах, протянул мне клочок бумаги:

– Вот!

– Что «вот»?

– Адрес. Деда одного. Кондратом его зовут.

– А зачем он нам, твой Кондрат?

– Ну вы даете! – возмутился Санек и снова взялся за шнурки. – Это к нему сегодня утром наш Козел бегал.

Тут я совсем растерялся: не было у нас никакого козла.

– Какой еще козел?

– Ну... этот... Козлов по кличке Кэн. И, между прочим, он выскочил от деда как сумасшедший, я сам видел. Глаза, – Санек во всю ширь развел руки, – вот такие! И пасть – до ушей от радости. И еще, между прочим, – этот дед Кондрат, он, оказывается, тоже коллекционер, в монетах здорово разбирается. Мне одна бабка у подъезда рассказала...

Начинается... Дедки, бабки, козлы...

И как эту информацию оценивать? С одной стороны, вроде она положительная. Косвенно подтверждает, что монета у Козлова и что он с помощью деда Кондрата установил ее ценность. А с другой стороны, Козлов начнет искать, кому бы ее сбавить. Если уже не сбавил. Тому же деду Кондрату, например. Или своему торговому начальнику Гургену Ашотычу...

– Санек, а куда он от этого деда пошел, не знаешь?

– Куда-куда? В свою палатку, Раиску сменять.

Так... Нужно срочно выходить на знатока монет Кондрата, нельзя терять следы «Гречанки». А как?

Тут распахнулись дверцы лифта, и из него вышли Лена и Норд с галошей в зубах. Он помахал нам хвостом и положил галошу перед Саньком. И посмотрел на него преданно и радостно – ждал благодарности за хорошую работу.

А вот Санек поступил очень странно и надежд Норда не оправдал. Он только сказал ему:

– Молодец, спасибо, – взял галошу, поднялся по лестничному пролету к мусоропроводу, сбросил ее туда и помахал ей вслед.

Норд с таким недоумением и обидой на него глянул, что Санек вынужден был объяснить свой странный поступок:

– А зачем она теперь? Другую-то я еще вчера выбросил. Чтоб дед не расстраивался.

Да, какая-то логика здесь есть. Правда, не очень понятная, подумал я.

Лена с Нордом тоже уселись на ступеньках, и мы рассказали про деда Кондрата.

Лена подумала и спросила:

– Он один живет, без родственников?

– Один, – кивнул Санек, вновь пытаясь впиться зубами в шнурок. – Пенсионер в отставке.

– Это как так? – удивилась Лена. – Без пенсии, что ли?

– Да нет, он полковник в отставке. Военный пенсионер.

А неплохо, надо сказать, Санек задачу выполнил.

Лена встала – Норд, конечно, тут же вскочил.

– Я с ним познакомлюсь, – решительно и уверенно сказала она. – Думаю, у меня получится – одинокие люди очень отзывчивы на внимание.

Тут Лешка что-то неразборчиво пробормотал, и на его лице я увидел явное неодобрение. Похоже, он хотел сказать, что не совсем это здорово: проявить к старому человеку внимание только для того, чтобы что-то у него выведать. Мне это тоже не очень понравилось. А что делать? Ленкиного деда надо ведь выручать.

А Лена и Норд уже спускались по лестнице – Лена легко и беззвучно, а Норд, будто нарочно, цокая когтями по ступеням.

– А как твой дедушка? – я перевесился через перила.

Лена остановилась, подняла голову:

– В порядке. Копилку потряс и успокоился. Я в нее всяких мелких железяк напихала.

И они ушли. Знакомиться с дедом Кондратом.

– Лех, – поднял голову от кроссовки Санек, – принеси вилку, а? Я вилкой попробую узел подковырнуть.

– Да пошли к нам, – сказал я. – Там подковырнешь.

Мы дали Саньку вилку, он уселся в прихожей на пол, согнулся крючком.

– Кроссовку-то сними, – посоветовал я, – удобнее будет.

– Да, сними, – буркнул Санек. – А если я и вилкой узел не развяжу – опять на одной ноге прыгать?

И мы занялись каждый своим делом. Алешка уселся списывать домашнее задание у своего друга-отличника, я, тяжело вздохнув, снова взялся за магнитофон, а Санек пыхтел в прихожей над кроссовкой.

...А тем временем по улице бодрым строевым шагом шел из магазина крепкий еще старичок в поношенном военном мундире с сияющими на солнце пуговицами. В руке – сумка с продуктами.

Старичка обогнала девочка с собакой.

– Давайте, дедушка, мы вам поможем, – вежливо предложила девочка старичку и, не дожидаясь ответа, взяла его сумку и передала собаке.

Собака, подхватив сумку в зубы и высоко и гордо задрав голову и хвост, важно пошла впереди. А старичок и девочка – за ней, рядом.

– Умная собака, – похвалил старичок Норда.

– Очень! Они все умные, – подхватила Лена. – И очень добрые. Добрее, чем люди. И честнее намного.

– Это уж точно, – как-то задумчиво, с горечью в голосе произнес старичок. – Собака никогда обманывать не станет. А вот люди...

Лена при этих словах чуть смутилась и немного покраснела.

Они перешли улицу, миновали небольшой сквер и вошли во двор высокого дома-башни.

– Вот и пришли, – сказал старичок. – Спасибо вам за помощь. Меня зовут Кондрат Тимофеевич. Дед Кондрат – старый солдат, – он весело рассмеялся и сразу помолодел. – А вас, друзья, как зовут?

– Меня – Лена, а его – Норд.

Норд опустил сумку возле двери подъезда, сел, протянул старичку лапу и откровенно облизнулся.

– Вас понял, – улыбнулся старый солдат. – Перехожу на прием. Приглашаю вас на чашку чая. И собачке что-нибудь найдется, добрые поступки надо поощрять.

– Спасибо... Не знаю... – Лена сделала вид, будто сомневается. – Родители и учителя нам всегда говорят, что нельзя заходить к незнакомым людям.

– И правильно говорят! – Кондрат Тимофеевич взял сумку. – Да мы-то ведь теперь знакомые! Шагом марш!

И через пять минут новые знакомые дружно пили чай и грызли косточку.

Лена даже на какое-то время почему-то забыла, зачем она познакомилась с «пенсионером в отставке»: так ей стало интересно.

Однокомнатная квартирка была похожа на маленький и уютный семейный музей. Над письменным столом висела старая-престарая фотография мальчика в солдатской шапке-ушанке, с большим автоматом на груди и с большим кинжалом на поясе...

– Это я, – похвалился дед Кондрат. – Во время Великой Отечественной войны. Я был сыном полка, разведчиком.

По обе стороны фотографии висели старинная шпага и старая шашка в черных кожаных ножнах с медными колечками...

– Эту шпагу, – опять похвалился дед Кондрат, – отбил в 1812 году один мой предок у французского офицера на Бородинском поле. А с этой шашкой мой дед воевал с немцами в 1914 году.

У окна стояла длинная подставка, вроде турника, и на ней висели красивые, позеленевшие от времени колокола. Не очень большие, конечно, но самые настоящие. На них даже были видны старые славянские буквы...

– Это моя коллекция, – в третий раз, с особой гордостью, похвалился дед Кондрат. – Небольшая, конечно, но мною очень любимая. Вот этому колоколу, – Кондрат Тимофеевич легонько тронул ладонью самый большой из них, и тот послушно отозвался тихим, ровным и долгим гулом, – «Сысой» ему прозвание – больше тысячи лет. По преданию, висел он на колокольне в небольшой деревушке южнее города Рязани и предупреждал своим звоном о нашествии татар. Чтобы жители успели приготовиться к бою.

Кондрат Тимофеевич рассказывал, а «Сысой» все еще гудел, заполняя комнату древним таинственным звуком, плавно затихая...

Наконец Лена вспомнила о своей задаче, но никак не могла перевести разговор на монету. Сделать это, думала она, нужно очень осторожно – ведь неизвестно, о чем говорили этот симпатичный дед Кондрат и тот несимпатичный продавец Козлов.

И тут она «кстати» вспомнила о своих друзьях.

– А у нас один мальчик тоже хочет стать коллекционером. Он очень увлекается древними монетами.

– Будущий нумизмат! – похвалил неизвестного мальчика Кондрат Тимофеевич, подкладывая Лене варенья. – Хорошее дело. Очень познавательное. Каждая монета таит в себе столько сведений о древних мирах, о людях, обычаях, событиях... Я тоже когда-то этим увлекался, но колокола меня увлекли больше.

– А можно я его к вам приведу? – спросила Лена. – Вы ему что-нибудь расскажете, посоветуете...

– Конечно, Леночка, буду очень рад! Всей компанией приходите! И мне веселей будет. А то – все один да один. А так с хорошими людьми поговорить хочется...

Тут Лене опять стало стыдно. Кондрат Тимофеевич нравился ей все больше, он очень был похож на ее дедушку, и мысль о том, что она – так или иначе – его обманывает, становилась все

невыносимее. Единственное, что поддерживало Лену, – то, что она лжет и притворяется не из-за какой-то собственной выгоды, а чтобы помочь дедушке, найти его любимую «Гречанку»...

Глава V

Спасибо, бабуля!

Алешка наконец разделался с уроками, а я с магнитофоном.

– Починил? – спросил Алешка.

– Ага, – похвалился я и, вставив кассету, нажал клавишу.

Кассета вылетела из магнитофона, как снаряд из пушки, – и прямо в лоб Саньку, который как раз входил в комнату с вилкой в руке.

– Ты что! – обалдел Санек.

– Это не я. Это – он, – и я показал на магнитофон.

– А что с ним? – тоном участкового врача спросил Санек. – На что жалуется?

– Пассек лопнул, я его заменил...

– Понятно. Можно я посмотрю? – Он положил вилку на стол и придвинул к себе магнитофон...

Через минуту на столе была только груда деталей, еще две минуты Санек, что-то бурча себе под нос, как-то оторопело рассматривал их, будто не верил, что эту груду он сам и сотворил.

А я смотрел на вилку. Она была похожа на распустившийся диковинный цветок – все ее зубцы торчали во все стороны. Что же тогда будет с магнитофоном?

Еще пять минут Санек «оперировал» его, подавая нам сквозь зубы, как знаменитый хирург ассистентам, краткие команды: пинцет! отвертку! паяльник! нитку! И только один раз поднял на нас затуманенные глаза, когда Алешка на его команду «масло!» притащил вместо машинного сливочное.

Да, это была работа так работа!

Магнитофон больше не «стрелял» кассетами, он пел, заливаясь, сам радуясь своему чистому голосу, своим новым тонам, своей децибельной мощи...

В стену застучали соседи.

Санек вырубил магнитофон и похвалил его:

– Ничего машинка. Капризная, но послушная.

– Молодец! – сказал Алешка и отнес «расцветшую» вилку на кухню, в помойное ведро. – А шнурки распутать не можешь, – упрекнул он Саньку, когда вернулся.

– У каждого свои недостатки, – не стал спорить Санек. – Пошли, надо Козла проверить.

...Наш Кэн был на месте. Торговал. Но нервничал, это мы заметили. Несколько раз ошибся в сдаче, иногда подавал покупателям совсем не тот товар, который они просили, но очень вежливо извинялся и все время сиял от радости. Глядя на него, можно было подумать, что он вот-вот получит наследство в миллион долларов и заживет на всю катушку. В общем, примерно так и было. И совсем он, гад такой, не думал, что это счастье привалило ему из-за несчастья другого человека!

И еще я злился из-за нашего бессилия. Ну что мы могли сделать? Даже если в милиции нам поверят и пришлют целый наряд, разве он отдаст монету? Что вы, скажет он, кому вы поверили? Каким-то пацанам? Фантазерам и хулиганам? Да обыщите меня, всю палатку, всю квартиру! Пожалуйста! Все равно не найдете.

Не найдут. Крохотную невзрачную монету можно спрятать так, что никакие Холмсы ее не разыщут.

Одна надежда на нас...

Понаблюдав за продавцом Козловым, мы убедились, что в ближайшие часы он никуда не собирается – одному покупателю он так и сказал:

– Вечерком загляните, нам подвезут, я вам оставлю.

Поэтому мы смело вернулись домой, а тут нам позвонила Лена и рассказала о результатах знакомства с дедом Кондратом. И добавила, что завтра он ждет нас в гости. А еще она сказала, что я должен изображать из себя начинающего нумизмата и что нам нужно прийти к старику со своим тортом.

– Он небогатый человек, – пояснила она. – Нужно проявить к нему такт. И заботу.

Озадачила! Ладно, нумизматом я прикинусь, тем более – начинающим, это несложно, а вот где взять денег на торт – это задача!

Я положил трубку и пошел советоваться с Алешкой. Он хоть еще довольно мелкий, но в трудных ситуациях здорово соображает. Это даже родители признают. Мама так и говорит (с восхищением): «Когда тебе надо оправдаться, Алексей, ты проявляешь чудеса изворотливости». А папа добавляет: «И своеобразной логики».

Алешка мои надежды оправдал. Правда, я не сразу его хитрость понял. Потому что он, чуть подумав, выпалил:

– В гости поедем.

– Куда? Зачем?

– К бабушке.

– Ну и что?

– Увидишь, – пообещал Алешка, ничего по своей привычке не объясняя.

Бабушка нам страшно обрадовалась. И сразу усадила за стол. Она почему-то считает, что мы всегда голодные.

Пока мы навораживали борщ с котлетами, она успела испечь для нас свой фирменный торт. Не очень большой, но очень вкусный.

– Ой, спасибо, бабуля, – запел Алешка, – так твоего тортика хочется.

– Соскучился, – пропела в ответ бабушка, – кушай, родной, кушай.

Она нарезала торт крупными сегментами и налила нам чая.

Алешка стукнул меня ногой под столом и шепнул:

– Чтоб все съел!

С ума сошел пацан. Тем более что в нашей семье есть один человек, который этот торт ненавидит. И этот человек – я! Когда я был таким же, как Алешка, я этого торта объелся так, что до сих пор от одного его вида заикаюсь.

Но что делать? Надо же «Гречанку» выручать из чужих жадных рук.

Я вздохнул и взялся за торт. Не стану рассказывать, как нам это удалось, – до сих пор, как вспомню, тошно становится, но мы это сделали. Победили.

Хотя я все еще не понимал, зачем это нужно. Но вскоре понял. И восхитился. Младшим братом. Его изворотливостью и своеобразной логикой.

– Спасибо, бабуля, – с трудом проговорил Алешка, отодвигая от себя подальше блюдце с крошками торта. – Такой вкусный! Никто такой тортик не умеет делать. Даже мама. А как она его любит! Больше всего на свете!

И тут вдруг он помрачнел (я даже подумал, что его тоже тошнит), и на глазах его чуть ли не слезы появились. Он повернулся ко мне и произнес с укором (и с трудом):

– Эх ты! Даже о маме не подумал. Сlopал все и спасибо не сказал.

Вот тут я и понял все его расчетливое коварство.

– Голубчик! Ленечка! – всполошилась бабушка. – Умница ты моя! И как же я сама-то, старая, не додумалась. – Она всплеснула руками и помчалась на кухню. И оттуда до нас доносился ее восторженный голос: – Умница! Придет мама с работы, усталая, голодная, а ее люби-

мый тортик дожидается. Она скажет: откуда такая прелесть? А это ее мамочка испекла, а детки привезли – свою мамочку порадовать...

Дальше я уже ничего не слышал, потому что уснул. Я всегда, когда мне плохо, стараюсь поскорее заснуть. Во сне как-то все неприятности рассасываются и потом уже не такими неприятными кажутся.

Когда меня разбудил Алешка, на столе уже стоял бабушкин тортик в красивой коробочке. Хорошо, что в коробочке... Глаза б мои на него не смотрели.

– Поехали, – сказал Алешка. – А то мама скоро с работы придет. Усталая, голодная, а тут ее любимый тортик дожидается, который испекла ее любимая мамочка...

Дорогой я понял, что Алешка, хитрец, все точно рассчитал. Наши родители недавно у бабушки с дедушкой были. Значит, теперь к ним не скоро поедут. А к тому времени этот тортик уже прочно забудется.

– А если нет? – спросил я Алешку.

И он самоотверженно ответил:

– Скажем, что ты не удержался и дорогой его съел. Годится?

Еще как...

Глава VI

Ботало

Мы заранее договорились, что Санек остается следить за Козловым, и Лена дала ему телефон «отставного пенсионера», а мы – по легенде – навещаем старика в качестве юных нумизматов.

Дед Кондрат нам очень обрадовался. Когда мы расселись пить чай, он смущенно предупредил нас:

– Юные друзья мои! Я многое в жизни умею делать. Только одно дело мне не удастся. Я не умею аккуратно мыть посуду. И потому будем пить чай по очереди, у меня всего две чашки осталось. Остальные безвозвратно ушли в стеклянный бой.

За чаем «по очереди» мы ловко навели разговор на всякое коллекционирование. И, откровенно говоря, совершенно забыли про свою разведку – столько интересного рассказал нам дед Кондрат – старый солдат.

– Вы даже не представляете, юные друзья мои, как богат и разнообразен мир коллекционеров. Ведь кроме филателистов...

– Это которые марки собирают? – уточнил Алешка.

– Вот именно. Так вот, кроме филокартистов...

– Это которые карты собирают! – похвалился знаниями Алешка.

– Ничего подобного. Филокартисты собирают открытки. А вот филуменисты коллекционируют спичечные этикетки. Нумизматы...

– Знаем! – опять похвалился Алешка. – Они деньги собирают. У нас тоже в доме есть такой. Целый сундук уже набрал.

Дед Кондрат засмеялся.

– Которые в сундуки собирают, эти совсем по-другому называются. А нумизматы собирают редкие монеты. Главным образом старинные. А кроме них, есть другие «сборщики», им и названий-то не подберешь. Что только не коллекционируют: ярлычки от сигар и обертки бритвенных лезвий, винные этикетки и пробки от бутылок, игральные карты и зажигалки, столовые приборы, непременно украденные из ресторана, и курительные трубки, принадлежавшие Шерлоку Холмсу. И представьте, в мире уже имеются достоверные сведения о двенадцати таких трубках! А вот нумизматы...

– Вроде него, – Алешка ткнул в меня пальцем.

– А вы, юноша, – обратился ко мне дед Кондрат, – что же тортиком не лакомитесь? Не стесняйтесь, кушайте. Очень вкусный!

– У него аллергия на тортики, – выручил меня Алешка. – Он как кусочек съест, так сразу молчать начинает.

Я намек понял. И достал из кармана серебряную монету. В нашем доме – это единственный предмет старины. Папе эту монету подарила его бабушка, когда он достиг совершеннолетия. На монете с одной стороны было написано, что это рубль, а с другой – нарисован профиль нашего последнего царя. Монета была большая и тяжелая. И блестела, будто ей было не сто лет, а всего три дня.

Дед Кондрат осторожно взял ее, внимательно рассмотрел сначала просто так, а потом через большую лупу и проговорил:

– Великолепно! Такого я еще не видел. Уникальная работа!

Тут мы с Алешкой страшно загордились – наконец-то и в нашей семье оказалось что-то уникальное! Кроме меня и Алешки, конечно. Мама часто говорит папе: «Нам с тобой достались

уникальные дети» – и при этом с печальным вздохом возвращает нам наши дневники. Теперь и нам есть чем погордиться. Кроме дневников с двойками. Вот папа обрадуется!

– Высший класс! – продолжал нахваливать монету дед Кондрат, вернув ее мне. – Береги ее, Дима. Таких больше нигде нет. И не будет. Это великолепная подделка! Сувенир.

Так, папу мы этим открытием радовать не будем...

– Не огорчайся, мой юный друг. Такое случается часто. Да вот не далее как вчера появился ко мне один начинающий «сборщик». Я их так называю. Монетка ему досталась... – Он покачал головой и неожиданно рассмеялся.

Эх, если бы мы тогда узнали, что он имеет в виду!

Но мы превратились в уши.

– А что это вы так замерли? – удивился дед Кондрат. – Еще чаю хотите?

Лена первая пришла в себя:

– И что же он вам показал?

Но дед Кондрат не стал развивать эту тему. Желая, видимо, сохранить ее в тайне. Еще бы! Он только пожал плечами и с какой-то язвительной усмешкой проговорил:

– Ну, я ему все объяснил. Он того стоил. И побежал, дурачок, покупателя искать. – Дед Кондрат отхлебнул остывшего чая и продолжил, я бы сказал, с угрозой в голосе: – Долго ему искать придется!

Конечно! Пойди-ка найди так сразу человека, который сможет выложить миллион долларов за старую монету.

Ну вот, кое-что мы выяснили. Лена пошла на кухню помыть чашки, а мы еще послушали деда о его колоколах. Потом он снял с полки небольшой медный колокольчик и звонко в него позвонил. Будто летняя песенка по комнате разлилась.

– Знаете, что это? – хитро улыбнулся он. – Это ботало!

Мы, конечно, покивали головами. Но обмануть деда не удалось.

– Эх вы! Дети асфальта. Такие колокольчики раньше вешали на шею коровам в лесистой местности.

– А я что говорю! – выступил Алешка. – Ходит себе корова и звенит в колокольчик. Комаров отгоняет, нет, что ли?

– Что ли нет! – передразнил его дед Кондрат. – Если корова в лесу заблудится, ее по звону колокольчика разыскивали.

И вот эти слова вдруг меня к чему-то подтолкнули. Навели на какую-то умную мысль. Но она тут же увильнула.

Алешка еще позвонил в это самое ботало, а на прощание бухнул от души в колокол по имени «Сысой». Тот выдал такой гул, что сразу все соседи застучали во все стены и даже в пол и в потолок.

– Заходите почаще, – попросил дед Кондрат, зажимая уши. – С вами очень весело.

Мы вышли в прихожую, и там нас застал телефонный звонок. Звонил Санек. Попросил к телефону Лену, сказал, что он ее папа и волнуется, что она так долго задерживается.

Дед Кондрат передал трубку Лене и сказал с хитрой усмешкой:

– Это тебя, Леночка. Твой юный папа.

Лена поговорила с «папой» очень коротко и сухо. Из ее реплик ничего нельзя было понять, кроме: «Так... так... А он что?.. А ты?.. Он видел?.. Встречаемся у киоска. Пока, папуля».

Пока мы дошли до киоска, Лена передала нам сообщение Санька.

Оказывается, продавец Козлов запер свой киоск гораздо раньше обычного. Тут как раз подъехал Гурген Ашотович и стал на него орать. На что Козлов, совершенно на себя не похоже, ответил:

– Вы на меня не кричите! Я вам не шестерка какая-нибудь! Я теперь почище вашего бизнесменом буду.

И он отдал Гургену выручку и пошел домой. В обеих руках его были большие пластиковые сумки. В одной отчетливо звенели бутылки, а из другой отчетливо пахло копченой колбасой и копченой рыбой. А также заморскими фруктами. Из чего сообразительный Санек сделал правильный вывод: убедившись, что монета, попавшая в его лапы, и в самом деле стоит огромных денег, Козлов решил отпраздновать это событие...

Вскоре прибежал запыхавшийся Санек, он на всякий случай «проводил» Козлова до самого дома.

– Он еще в булочную зашел, – доложил Санек, отдышавшись. – А сейчас дома сидит, водку пьянствует.

– Откуда ты знаешь?

– Я, во-первых, его окна высчитал. А потом залез на крышу пристройки соседнего магазина – оттуда все хорошо видно. Он себе стол накрыл, даже подсвечник поставил со свечой. Музыку включил, а потом...

– Что потом?

– А потом... милиционер прогнал.

– Куда он его прогнал? – не поняли мы. – За что?

– Да не его. А меня. С крыши. Я еле удрал от него.

«Цены тебе, Санек, нету», – искренне подумал я. А вслух сказал:

– Значит, сегодня он никуда не пойдет и не поедет. Все свободны!

– Кроме меня, – вздохнул Санек и поскреб за ухом. – Я совсем забыл, мне белье надо в прачечной получить. Родители достали, всю неделю долбят: получи да получи.

И мы пошли в прачечную. Санек зашел внутрь, а мы ждали его на улице. Уже темнело, скоро должны прийти с работы родители. А Санек что-то задерживался. Наконец он вышел... с пустыми руками.

– Не дают белье, – объяснил он.

– Почему не дают? – возмутились мы.

– Потому что без квитанции.

– А где она?

– А я знаю? В кармане была. Всю неделю.

Толковый он паренек, но все время с ним что-нибудь случается.

– Потерял?

Он кивнул. И очень расстроился. Вчера – галоша, сегодня – белье.

Вот теперь нам еще и квитанцию искать. Не бросать же его в беде!

– Надо нашим родителям позвонить, – напомнил Алешка. – А то ругаться будут.

Я стал шарить по карманам в поисках жетончика. А он никак не попадался. Пришлось вытаскивать все из карманов: кассета, авторучка, монета, носовой платок, ключи от квартиры, какая-то бумажка... А, это записка с адресом деда Кондрата, которую мне Санек дал. Я мельком взглянул на нее и хотел было уже выбросить – адрес-то мы теперь знаем. Но Санек вдруг схватил меня за руку:

– Вот же она! Я на ней адрес записал!

Ну и разиня!

Санек радостно получил белье, мы проводили Лену до дома и помчались к себе домой.

Глава VII

Добрый волшебник

Родители встретили нас не очень радостно. Не видно было, что они соскучились. Скорее наоборот. Чем-то были недовольны. И приготовили «приятный» разговор.

– Мыть руки. Ужинать, – скомандовала мама. Ледяным голосом.

А за столом сказала таким же ледяным голосом:

– В нашем доме стали пропадать разные вещи. В чем дело?

– Например? – спросил я.

– Например – мясо, два кэгэ.

– Это не вещь, – буркнул Алешка.

– Еще какая вещь! – мечтательно сказал папа, ковыряя вилкой пустые макароны. – Особо в жареном виде!

– А еще что? – спросил я на свою голову.

– Еще торт. Звонила бабушка и сказала, что вы привезли торт.

– Привезли... – проворчал Алешка. – Привезли – это сильное преувеличение.

– Вот видишь? – мама строго повернулась к папе. – Я говорила, что он вывернется. – А потом повернулась к нам: – Нет Алешкиных кроссовок, я хотела их Ивановым отдать. А также я недосчиталась одной вилки...

– А ее кому?

– Никому! – рассердилась мама. – Хочу, чтобы у меня был комплект столовых приборов.

Полный.

– Вилка найдется, – сказал Алешка. – Несколько позже.

Это правильно, не все же сразу.

– А монета тоже найдется? – вкрадчивым голосом спросил папа.

– Какая монета? – одновременно удивились мы. Вместе с мамой.

– Та, что уже сто лет лежала в пепельнице на моем письменном столе. Бабушкин подарок.

Серебряная!

Серебряная! Сказал тоже!

– И монета найдется, – уверил его Алешка.

– Своевременно, – кивнул папа. – Или несколько позже, да?

После ужина мы добровольно вызвались помыть посуду, чтобы незаметно пошарить в помойном ведре в поисках гнутой вилки. И слышали, как мама вполголоса, довольным тоном сказала папе:

– Вот видишь, как на них подействовали мои слова!

До чего ж они наивные, эти взрослые. Совсем как дети.

Вилку мы разыскали и пассатижами выпрямили ее зубцы. Правда, два из них при этом обломались. Но мы все равно положили ее на место, в ящик кухонного стола.

– Скажем: мыши ее обкусили, – подстраховался Алешка. – Она как будто за плитку завадилась, а мы ее разыскали, но уже поздно, обкусанную. Годится?

– Ну... не знаю, смотря какое настроение у мамы будет.

– Хорошее! – успокоил меня Алешка. – Вилка-то нашлась.

Нашлась... В таком виде, что у нее только один путь – обратно в помойное ведро.

Так, с вилкой задача решена. Теперь – монета. Подбросить ее – это не проблема. Проблема оказалась в том, что... монеты не нашлось. В моих карманах. Неужели потерял? От этой мысли стало нехорошо. Пусть это и подделка, но папа, во-первых, этого не знает, а во-вторых, он так ею дорожит. Ведь ему бабушка ее подарила. Семейная реликвия. Одна-единственная...

С этой грустной мыслью и с чувством вины я улегся спать. Лешка уже посапывал, он всегда быстро засыпает, что бы ни натворил за день. А утром уже этого не помнит и начинает творить заново. Как говорит папа – с чистого листа начинает свои художества.

Я долго не спал. И невольно прислушивался к разговорам родителей на кухне, где они пили чай. Сначала речь шла о всякой ерунде, про всякие хозяйственные заботы и где занять денег до зарплаты. А потом папа сказал:

– Похоже, ты права. Не такие уж у нас уникальные дети. Совершенно нормальные. Начали исправляться. Даже план перевыполнили. Вилку нашли, монету вернули. Глядишь, и мясо отыщется...

– Вот уж это не надо! – испугалась мама. – Тухлятины нам только не хватало.

Дальше я уже не слушал. Дальше я уже думал о том, что чудеса все-таки бывают не только под Новый год, но и в суровые будни. Что за тайный волшебник у нас завелся? Может, он нам и «Гречанку» отыщет?

И мысли мои плавно перетекли в другое русло. Я все думал, как бы нам не упустить момент, когда Козлов найдет покупателя. Если это случится, то след «Гречанки» затеряется навсегда. И все чаще в моей засыпающей голове звенело новое словечко «ботало». Похожее на слово «болтало». Ну как же – болтается колокольчик, звенит. И по этому болтливому звону можно отыскать потерявшуюся корову. Или козла? Козлова...

Тут мои мысли совсем спутались, закружились и куда-то исчезли без следа...

– Мальчики! Пора вставать!

Надо сказать, эти слова – не из самых приятных. Даже когда их произносит любимая мамочка ласковым голосом.

А тут еще папа весело добавил:

– Вас ждут великие дела!

Ага, превеликие! Пылесос, хозяйственная сумка, грязная посуда.

Сегодня суббота. День забот. Родители остаются дома – командовать. А мы – выполнять их команды.

– Ты – вынесешь ведро, – распорядилась мама за завтраком в Алешкин адрес, – а ты, – это в мой, – сходишь за хлебом, молоком и сахаром. – И пригрозила: – Это для начала.

– Мы вместе сходим, – сказал Алешка.

И родителям это очень понравилось. Какие дружные у нас дети, прочитали мы в их наивных глазах.

Подхватив ведро, я по ходу позвонил Саньку и назначил ему «явку» у помойки. Ночная мысль все четче оформлялась у меня в голове. Теперь все зависело от способностей Санька. Но, вспомнив, как он лихо расправился с магнитофоном, я в них не сомневался.

Санек прибежал как обычно: размахивая руками, наступая на шнурки, лохматый и расстегнутый.

– Развязал? – первым делом спросил его Алешка, указывая на кроссовки.

– Не-а, – беспечно отмахнулся тот. – Надоело развязывать. Я их обрезал, а другие шнурки у бати из ботинок взял, он все равно сегодня дома.

– Когда кроссовки отдашь?

– Теперь не знаю. Мамка мои кроссовки уже Ивановым отнесла.

Вот это фокус! Ивановы – это в наших краях такая очень многодетная семья. Им многие помогают по жизни, кто – одеждой, кто обувью или головными уборами. Им все годится, потому что у них все дети разных размеров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.